

В. Ф. Ходасевич

Erotopaegnia

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922--1939. -- М.: Согласие, 1996.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Брюсовские "Эротопегнии" были впервые отпечатаны в Москве, в 1917 году. Выпущенное без обозначения типографии, "на правах рукописи", в количестве 305 нумерованных экземпляров, это издание, претендующее на изящество, но, в сущности, довольно небрежное, вскоре сделалось необходимою принадлежностью всякой снобической и нуворишской библиотеки. Болыневицкие вельможи считали его признаком тонкого вкуса и культурного лоска. Благодаря надписи: "Издание в продажу не поступает", "Эротопегнии" продавались очень успешно, а в голодные годы, 1918--1922-й, принадлежали к числу тех "валютных" книг, которые без труда разменивались на муку, масло, сахар. В 1921 году, в Петербурге, я сам просуществовал на "Эротопегнии" чуть ли не целый месяц, продав их первому петербургскому дэнди той поры: айсору, чистильщику сапог, сидевшему со своим ящиком на углу Мойки и Невского. Уже в те времена скептики высказывали подозрение, что истинный тираж "Эротопегнии" значительно превосходит триста пять экземпляров. Кажется, они были правы. Недаром теперь, через пятнадцать лет после того, как издание было исчерпано, "Эротопегнии" в изобилии появились на книжном рынке эмиграции: по-видимому, рынок советский ими перенасыщен. Как бы то ни было, они "омолодились", заняли место среди парижских книжных новинок -- и это дает мне повод сказать о них несколько слов.

"Эротопегнии" суть собрание эротических стихотворений латинских авторов в переводе Валерия Брюсова. Брюсов был знатоком латинской литературы, -- не случайно над переводом "Энеиды" трудился он много лет. Будучи по самой литературной природе своей склонен ко всякой эротике, он, разумеется, не мог пройти мимо "отреченных", "запретных" произведений латинской Музы. Приступая к их переводу, он оставался верен себе. Но вот, я вновь перелистываю книгу через пятнадцать лет после ее выхода, и вновь, как тогда, мне становится как-то грустно: брюсовский труд представляется мне глубоко ненужным, затраченная поэтом энергия -- совершенно напрасной.

В эту книгу вошли отрывки из Овидия, Петрония, Сенеки, Марциала, Пентадия, Авсония, Клавдиана, Луксория, а также из анонимных Приапеевых песен. Как видит читатель, большинство авторов принадлежит к числу тех, кого принято называть *poetae minores*. К тому же Пентадий, Авсоний, Клавдиан и Луксорий относятся уже к эпохам упадочным. В предисловии к своим переводам Брюсов говорит, что им избранные стихи "сохраняют до сих пор все очарование, всю силу, всю убедительность художественных созданий". К несчастью, именно с этим мнением согласиться всего труднее. "Эротопегнии" могут служить выразительным документом эпохи или, точнее, -- нескольких эпох, психологически нам уже одинаково чуждых. Но как "художественные создания" все эти стихи, в том числе (да простит меня Аполлон!) Овидиевы, -- право же, не Бог весть как художественны. Боюсь даже, что они не художественны вовсе.

Теория словесности -- область темная и все еще недостаточно разработанная. Может быть, окончательная ясность в ней и недостижима, -- но это уже вопрос особый. В теории словесности разница между поэзией любовной и поэзией специфически эротической не установлена. Однако ж, на практике мы эту разницу научились чувствовать, и нужно думать -- настанет такое время, когда чистая эротика, вместе с чистою порнографией, будет исключена из поэтической области вовсе. В лучшем для нее случае она будет отнесена к разряду скандированной дидактики.

Поэзия религиозна по самой своей природе. Художественно лишь то, что корнями уходит в миф, христианский или какой угодно. Отрыв от земли всегда свойственен истинной любовной поэзии, независимо от того, каков состав положительных верований поэта, и даже независимо от того, сознает ли он себя человеком таких верований. Здесь культурная традиция оказывается сильнее и действеннее прямого религиозного сознания. Вся любовная лирика христианской эпохи в той или иной степени готична. В ней нет или почти нет чистой эротики, бескрылой, приземистой, материалистической, а потому и неизбежно нехудожественной. Я вовсе не хочу, разумеется, сказать, что художественна только христианская, послеготическая любовная лирика. Но я хочу сказать, что в любовном стихотворстве латинского мира художественно лишь то, что не дидактично и не эротично в специфическом смысле этого